

02 Апрель 2009

<http://www.nigru.ru/docs/pd/1965.html>

[Политдневник Виталия Третьякова](#)

КТО МЕШАЕТ ПОКОНЧИТЬ С «ХОЛОДНОЙ ВОЙНОЙ»?

В конце следующей недели Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), старейшая отечественная неправительственная экспертная организация, соберется на свою XVII ежегодную Ассамблею. Президиум СВОП разослал участникам Ассамблеи крайне интересную анкету. Вопросы анкеты призваны «зажечь» дискуссию участников экспертного собрания. И это действительно те вопросы, вокруг которых в России, с одной стороны, по-прежнему ведутся яростные споры, а, с другой стороны, вращается та самая «сумятица умов», пугающей которой мы никак не можем с себя сбросить.

Сегодня я предлагаю свои ответы на поставленные вопросы. Предлагаю в уверенности, что мои ответы, смею утверждать, трезвые в своей «неполиткорректности», отражают далеко не только мою точку зрения. Возобладает ли эта неполиткорректная трезвость в грядущей дискуссии? Не уверен и не надеюсь. Значит, будем еще несколько лет спорить об одном и том же.

1. Как Россия окончила «холодную войну»? Проиграла, выиграла, ушла? — Без сомнения, Россия (еще под именем СССР) проиграла «холодную войну», но не путем полного разгрома, а полудобровольно капитулировав. Внешне почетно, по сути — достаточно унижительно.
2. Является ли развал СССР и переход Россией к иной системе политических установок свидетельством победы Запада в «холодной войне»? — Первое — безусловно. Второе — отчасти.
3. Как Запад воспринимает события после 1989 г.? — На официальном уровне демонстрируется политкорректность: Россия не проиграла, Запад не победил. Реально политический класс Запада рассматривал все 90-е годы (и фактически не отошел от этого и сегодня) Россию как проигравшую страну.
4. Почему структура международных отношений после официального конца «холодной войны» не смогла обеспечить стабильность? — Победитель жаждал полного разгрома «противника», превращения его сначала в политического, а затем и в военного карлика. А, кроме того, раздела в свою пользу всего его геополитического наследства. То есть Запад продолжал «воевать» против России и после ее фактической капитуляции. Откуда же здесь возьмется стабильность? Тем более, что в схватку за «российское наследство» вступили и более мелкие хищники, оспаривавшие у самого крупного право на часть добычи.
5. Можно ли было договориться о новом (не западном и не советском) мировом порядке в начале 90-х годов? — Нет. Запад жаждал полной, абсолютной и безоговорочной победы. Как можно было договориться с тем, что в своей гордыне дошел до того, что объявил наступление «конца истории» всех, кроме себя самого?

6. Могла ли «новая Россия» стать частью западного мирового порядка, который создавался в 90-е годы? — Только на правах слуги и лакея. И некоторое время мы (кто сознательно, кто в эйфории «победы демократии и общечеловеческих ценностей») «успешно» шли по этому пути. Но в конечном итоге воспротивилась и восстала сама Россия, частью почувствовавшая, частью осознавшая, что этот путь ведет к ее расчленению и исчезновению. Так появился Путин.

7. Является ли Россия для мира и самой себя продолжением СССР и Российской империи? — А кем же еще она может являться? Не продолжением же Атлантиды или администраций Горбачева и Ельцина... Постыдно, что многие в России стесняются или боятся в этом признаться.

8. Является ли мировой экономический кризис поражением «победившего» в 1991 г. Запада? Можно ли теперь «вернуться за стол переговоров»? — Является, но не окончательным поражением. Да России такое «окончательное поражение» и не нужно. В отличие от Запада, который по-прежнему жаждет «окончательной победы» над всем миром. Над Россией — в первую очередь, ибо по-прежнему считает ее ключевым, но теперь уже слабым звеном «не-Запада». Потому и за стол переговоров он готов сесть — но по-прежнему лишь для уточнения условий нашей капитуляции. Эта линия доминирует, хотя на Западе есть и трезвые умы и даже голоса.

9. Готова и может ли Россия быть противовесом «старого» Запада (геополитической общности, которая собирательно именовалась Западом в годы «холодной войны»)? — Россия не хочет быть ничьим «противовесом». Она, имея на то все основания, хочет (и не может иначе), живя по собственному разумению, быть одним из главных геополитических игроков, или: одним из «полюсов» нового, в реальности — достаточно традиционного, мироустройства. И «старый» Запад, и особенно «новый» (часто откровенно провокационно) навязывают себе и миру такой образ России. Другое дело, что русская цивилизация отчасти является альтернативной по отношению к западной. Но нашу альтернативность пытаются выдать за нашу антагонистичность или враждебность. Между тем, Россия вместе и со «старым», и с «новым» Западом вообще входит в одну, но, к сожалению, по вине Запада, не единую евроатлантическую (христианскую) цивилизацию.

10. Способна ли НАТО быть чем-то, кроме инструмента сдерживания или продвижения геополитических интересов Запада? — Нет. И ни одного примера противоположного найти в истории этой организации невозможно.

11. Нужна ли США и Китаю стабильная Европа? — США в принципе и всегда против стабильности где-либо, кроме как на своей территории и вокруг своих границ. Более того, именно в нестабильности (желательно, управляемой) других стран и регионов они видят гарантию своей стабильности. Китай чужая стабильность не волнует.

12. Возможна ли «новая европейская архитектура» при сохранении американской гегемонии? — Нет. И старая-то была возможна лишь благодаря балансу силы между США и СССР (Россией).

13. Концепция «сфер влияния». Ее отрицают, но сохранилась ли она? Ее будущее — можно ли договориться? — Она сохранилась. Она естественна и «физически», и исторически, и политически. Другого не может быть в природе — за исключением тотальной гегемонии кого-либо (недолгой), или глобального хаоса (еще менее продолжительного). Договориться можно, да США в этом смысле недоговороспособны.

14. Решит ли проблему «нового мирового/европейского порядка» вступление России в НАТО? — Вступление России в НАТО есть утопия во всех смыслах. И, в частности,

потому, что большинство стран НАТО и Запад в целом боятся этого не меньше, чем политического союза России и Германии.

15. Жизнеспособны ли существующие институты европейской и евро-азиатской безопасности (ОБСЕ, НАТО, ОДКБ, ШОС)? — ОБСЕ — исторический и политический труп. Остальные — жизнеспособны, если не будут раздуваться сверх своих естественных геополитических размеров. НАТО — уже перешла эту черту.

16. Чем новые российские предложения по «архитектуре европейской безопасности» отличаются от инициатив 1990-х годов (ропуск НАТО и новые функции ОБСЕ)? — Пока ничем существенным, ибо исходят из договороспособности Запада и США по этому вопросу.

17. Что должна предлагать Россия? Новый Договор о европейской безопасности? Договор о коллективной безопасности? Комплекс договоренностей? — Пока только снадобье от похмелья для «победителя». Когда протрезвеет окончательно — все остальное.

18. Нет ли опасности, инициировав процесс пересмотра правил игры, получить худший результат, чем до сих пор? — «Правила игры» и сейчас почти не соблюдаются — остались лишь инерция ялтинско-потсдамского мира и некий здравый смысл.

19. Может ли новая архитектура европейской безопасности быть выстроена на двухблоковой основе — НАТО и ОДКБ? Каковы другие варианты? — Вынужденно, временно и паллиативно — может. В перспективе — нет. Либо евроатлантическая цивилизация (или хотя бы европейская — без США) будет едина, либо она погибнет по частям. Можно лишь спорить, кто раньше, кто позже. Эгоизм и фанаберия Запада не позволяют ему ясно видеть эту перспективу. Россия ее видит, но Запад давно уже страдает «идиотизмом самого умного». И примерно ясно, кто и что его от этой болезни излечит. Вопрос в том — до того, как он почти погибнет, или прямо накануне — когда покойничка можно будет положить в гроб в полной уверенности, что теперь он вполне здоров.